

С Л О В О

НА ПАСХУ ПЕРВОЙ ПЕДЪЛИ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Древній обычай церкви узаконилъ, особенно въ настоящіе дни, сопровождать слово Божіе словомъ человѣческимъ, его разъясняющимъ, выводящимъ изъ него правила поведенія, или призывающимъ къ суду его таія или иныя явленія жизни.

Чему же мы посвятимъ свое слово послѣ того, какъ сейчасъ выслушанное вами евангельское чтеніе даетъ неисчерпаемый предметъ для нескончаемыхъ собесѣдованій?

Наше вниманіе останавливаютъ на себѣ сообщенныя въ евангеліи и не намъ только замѣченыя указанія на то особенное участіе, какое оказали къ Вишвнику нашего спасенія во дни Его крестныхъ страданій женщины. Праматерній грѣхъ невниманія къ заповѣди Божіей онѣ, по движенію своей природы, хотѣли загладить предупредительною внимательностію и сердобольнымъ состраданіемъ къ Сыну человѣческому, понесшему на Себѣ тяготу преслушанія Евина. Въ то время, когда страсть человѣческая, руководимая силами ада, приготавливала и устроила погибель Величайшему изъ праведниковъ, умиравшему за неправедники,—не жена была орудіемъ дѣйствія. Жена напротивъ, отъ полноты чувствительнаго сердца, гдѣ могла, старалась умягчить тернистый путь, какимъ шелъ Спаситель

память, и усладить ту горькую чашу, которая не могла мимо идти Его. Когда Господь Иисусъ Христосъ готовился идти на вольную страсть, одна жена, предваряя Его погребеніе, возливаетъ на Него оливастръ мѣра многоцѣннаго, и волосами головы своею отираетъ Его ноги,—и, Спаситель видѣль нужду защищать даже предъ своими учениками великій подвигъ любви. Когда на несправедномъ судѣ ковался жестокій приговоръ Святыхъ всего человѣчества,—другая жена (жена Пилата) старается воздержать руку вѣмона отъ подписанія и утвержденія смертнаго приговора Праведнику, какого не видалъ еще свѣтъ,—и въ евангеліи это единственный голосъ въ защиту Господа на судѣ архіереевъ и Пилата, среди безумныхъ криковъ слѣпой толпы и среди коварныхъ извѣстовъ, съ разныхъ сторонъ поднимавшихся на Спасителя. Когда изнемогалъ подъ тяжестью креста уже осужденный на смерть Господь нашъ и несшии на раменахъ своихъ орудіе своея казни къ мѣсту своего мученія, и когда кругомъ Его изливалась отъ народа ненависть, злоба, буйство или холодное равнодушіе,—божественный вѣзоръ Его не безъ утѣшенія замѣчаетъ невольныя слезы на глазахъ іерусалимскихъ женщинъ: въ этихъ слезахъ какъ-бы блистала для него лучъ свѣта среди темнаго царства человѣческаго; этотъ лучъ являлъ въ себѣ свидѣтельство еще не въ конецъ испорченной природы человѣческой. Когда взошелъ на крестъ между небомъ и землею великій Ходатай Бога и человѣковъ, и когда душа Его искала у подножія креста близкихъ своихъ, чтобы утѣшиться ихъ любовію и передать имъ свои послѣдніе завѣты и небесныя благословенія,—опять изъ малаго стада Его предъ Нимъ только женщины,—матеръ Его и сестра матери Его, Марія Клеопова и Марія Магдалина, а изъ двѣнадцати преданныхъ друзей нашлся только одинъ, которому Онъ могъ поручить свою мать: прочіе всѣ разбѣжались изъ чувства самосохраненія, страха ради іудейска; предъ этимъ

страхомъ жены показали себя мужественнѣе мужчинъ. Когда Спаситель былъ уже во гробѣ,—къ Его могилѣ среди ночнаго сумрака безстрашно идутъ крѣпкія любовію жены для возданія Погребенному возможныхъ почестей, и оставляютъ въ запертой хижинѣ учениковъ Распятаго, съ разбитою и нерѣшительною душею. За то не мужамъ, а женамъ досталась первая вѣсть о воскресеніи, величайшемъ и радостнѣйшемъ изъ событий міровой жизни,—не мужамъ, а женамъ досталось и первое явленіе воскресшаго Побѣдителя ада и смерти, и отъ нихъ уже приняли первое благовѣстіе объ этомъ ученики и послѣдователи Спасителя.

Если бы мы выпли изъ предѣловъ прочтеннаго нынѣ евангелія, мы могли бы указать нѣсколько подобныхъ примѣровъ женской доблести изъ евангельской исторіи,—могли бы указать на хананеянку, порадовавшую Спасителя такою вѣрою, какой Онъ не нашелъ и во Израилѣ, могли бы указать на женъ, сопровождавшихъ Господа и служившихъ Ему отъ имѣній своихъ,—вообще отъ женъ Спаситель видѣлъ частыя услуги, много преданности и много расположенности слушать Его слово и ученіе, но не встрѣчалъ вражды, обидъ и злобы. По крайней мѣрѣ ничего не говоритъ объ этомъ евангеліе.

Не для того мы выставили эти черты изъ евангельской исторіи, чтобы дать поводъ къ пререканіямъ касательно преимуществъ того или другаго пола. Предъ Богомъ нѣсть мужской полъ, ни женскій, какъ нѣсть рабъ, ни свободъ, но всѣ языкъ святъ, люди обновленія. Заковъ любви одинаково данъ всему человѣчеству, безъ различія половъ и возрастовъ, званій и состояній, и благодать Божія одинаково сообщается, для преспѣванія въ духовной жизни, какъ мужеской, такъ и женской душѣ. Да притомъ добродѣтели и подвиги нашихъ отцовъ и матерей еще не даютъ намъ повода гордиться своимъ богатствомъ душевнымъ: они напротивъ служатъ къ нашему осу-

жденію, если мы не умѣемъ воплощать въ себѣ ихъ духа и силы.

Мы остановились на указанныхъ чертахъ потому, что онѣ служатъ для насъ уясненіемъ того служенія, въ какомъ призывается женщина примѣрами дивныхъ женъ прежнихъ поколѣній, равно какъ своею природою и своимъ положеніемъ въ обществѣ. Людямъ, ищущимъ новаго времени на старой землѣ, наскучили тѣ правила и отношенія семейной и общественной жизни, какія указала природа, утвердило гражданство и освятила церковь. И вотъ высказываются желанія, которыхъ должна стыдиться цѣломудренная природа человѣческая, защищаются мнѣнія, готовые низвергнуть установившійся и освященный порядокъ вещей. Защитникамъ печальныхъ мнѣній кажется тѣснымъ тотъ кругъ дѣятельности, каковой предоставленъ женщинѣ въ нашемъ быту, и во имя равенства человѣческаго они желали бы, подъ видомъ защиты женщины, возложить на нее значительную долю той ноши, какую доселѣ возлагаетъ общество на рамена одного мужчины. И до ограды церковной достигаютъ зыбкія волны колеблющихся мнѣній людскихъ, и отсюда, гдѣ блистаетъ ясный свѣтъ вѣры, насквозь видна мутная тѣмень прихотливыхъ мечтаній плотянаго разсудка.

Мы впрочемъ не станемъ утомлять вашего благочестиваго вниманія подробнымъ раскрытіемъ бредней больваго страдающаго человѣка. Не для словопреній, а для назиданій зоветь къ себѣ служителей слова церковная кафедра, и потому мы, чтобы указать истину, скорѣе послѣдуемъ по стопамъ евангельскихъ женъ, чѣмъ станемъ бороться съ хромающею ложью мимолетающихъ мнѣній человѣческихъ, странно разнообразящихъ боццвѣтную пустыню нашего образованія.

Евангельскія жены прежде всего ведутъ нашу мысль въ область вѣры и благочестія, гдѣ сердечная теплота должна согрѣвать слово молитвы и помышленіе духа. Живущая въ нихъ

сила преданной вѣры и самоотверженной любви влечетъ ихъ туда, гдѣ слышится ихъ сердцу тайна благодѣянія, и онѣ чувствомъ предваряютъ и углубляютъ то, что разрабатывается просвѣщенной мыслью и ученіемъ послѣдователей Спасителя. Здѣсь образецъ для всѣхъ временъ и урокъ для заносчивыхъ гаданій.

Въ томъ кругѣ, въ которомъ человѣкъ достигаетъ высшаго совершенства и показываетъ наиболѣе своего достоинства,—полный просторъ для дѣятельности женской, и есть особенное призваніе, которое жѣны должна исполнить во благо свое и во благо общества. Жѣны, преимущественно предъ мужчиною, Богъ далъ душу чувствующую, пѣжную, чуткую и впечатлительную: одаренная воспримчивостію, она съ готовностію идетъ на встрѣчу всякому новому вліянію, и при этомъ внутренній голосъ сердца, которымъ она руководится, если не ясиѣ, то часто вѣриѣ разсудка угадываетъ и различаетъ достоинство духовъ, отъ Бога ли они. Головной путь мышленія, которымъ идетъ мужчина, длиннѣе и труднѣе пути сердечнаго воспріятія. Дѣло же вѣры, дѣло нашего спасенія и коренится въ сердцѣ и питается сердцемъ. Потому пусть не озирается на мужа своего жена, когда зоветъ ее внутренній голосъ къ начинанію и совершенію благоговѣйнаго подвига. Напротивъ здѣсь она можетъ, она должна идти впереди насъ, и теплотою своего чувства разогрѣвать для насъ ту святую, которую такъ часто леденитъ нашъ разсудокъ, своєю чуткостію указывать намъ то доброе направленіе мысли и жизни, которое часто терлеть изъ виду отуманенная тяжелыми сомнѣніями голова, порвавшая связь съ сердцемъ. Если въ евангеліи первыми исповѣдниками Воскресшаго явились жѣны мученицы, и онѣ должны были убѣждать самихъ апостоловъ въ главной истинѣ вѣры нашей, то и въ исторіи народовъ первыми провозвѣстниками христіанства являлись болѣею частію жѣнщины. Свѣтъ

вѣры, распространялся по вселенной; скорѣе проникалъ въ сердце женщины, чѣмъ мужчины: она чувствомъ оцѣнивала святое вѣліе силы Божіей, надъ которымъ еще задумывался мужчина, и потому пролагала пути ему тамъ, гдѣ не было для него приготовленной почвы. У насъ во всегдашней памяти святая равноапостольная Ольга, первая отерывшая путь христіанству въ наше дорогое отечество. Надъ нею уже сіялъ свѣтъ вѣры, когда кругомъ ея, и въ семействѣ и въ обществѣ, была тьма язычества, и для полного торжества вѣры въ нашей землѣ нужно было сіяніе этой денницы предъ солнцемъ и этой зари предъ свѣтомъ, какъ называетъ ее преподобный Несторъ. Въ ней, *предтекущей христіанской землѣ*, въ первый разъ обратилось русское познаніе къ Богу и открылся *начатокъ* нашего примиренія, по слову того же пресп. лѣтописца. И въ другихъ странахъ и у другихъ народовъ есть свои равноапостольныя жены, имѣвшія значеніе денницы предъ солнцемъ. Нашей исторіи (т. е. исторіи св. Ольги) естественно повторяться вездѣ, и въ большихъ и въ малыхъ кругахъ, по самому свойству дарованій, сообщенныхъ женщинамъ. Если гдѣ полезно и необходимо намъ другъ друга тяготы носить, по слову апостола, то это въ такой спасительной и широкой области, какъ область вѣры. Пусть женское сердце даетъ здѣсь жизнь и теплоту, пусть оно своимъ чувствомъ полагаетъ *начатокъ* примиренія и священнаго познанія и, гдѣ нужно, воздерживаетъ насъ отъ забѣговъ въ опасныя мѣста и стремнины. Мужская мысль, возбуждаемая и сдерживаемая, дастъ твердость посѣянному зерну и доведетъ до ясности желанія благоговѣйныхъ душъ.

Для святаго и благочестиваго подвига вѣры, къ какому принимается каждый изъ насъ, у женщины есть область, ей преимущественно принадлежащая, — это область семейства. Семейство есть малая церковь и малое общество: здѣсь кладутся

сѣмена тѣхъ явленій, изъ какихъ слагается великая общественная жизнь. Каждый изъ насъ, выростая подъ домашнимъ кровомъ, при выступленіи на общественную дѣятельность, приноситъ съ собою черты характера, сложившагося въ тишинѣ роднаго круга. Но душею, царицею домашняго круга должна быть женщина, въ качествѣ матери, супруги или сестры: отъ нея зависитъ духъ семейства, большая или меньшая его чистота и святость; отъ нея зависитъ устроеніе и утвержденіе тѣхъ всодневныхъ семейныхъ обычаевъ, которые кладутъ невидимую печать на нравственный обликъ челоуѣка. И вотъ здѣсь женѣ нужно быть въ уровень съ тѣми обязанностями, какія на нее возлагаются. Не вызываемая къ внѣшней дѣятельности, подобно мужчинѣ, и потому болѣе сосредоточенная у домашняго очага, надѣленная большею сердечною теплотою, чѣмъ мужчина, она должна создавать въ своемъ домѣ тихій рай, гдѣ бы все дышало благочестіемъ, молитвою, теплою вѣрою и любовію. Приходя въ свой домъ съ базара житейской суеты, мужчина, супругъ-то или братъ, долженъ надѣяться согрѣть свою душу теплымъ благочестивымъ вѣяніемъ семейнаго духа, руководимаго женщиною. Здѣсь должна размягчаться черствая душа, изсушенная трудомъ; здѣсь должна очищаться она отъ сора и пыли, прилегающихъ къ ней среди шумныхъ и нечистыхъ улицъ городскихъ, и отсюда каждый долженъ выходить чище, благоговѣйнѣе и святѣе, чѣмъ какимъ пришель сюда.

Въ малой церкви, какою служить семейство, нѣтъ святѣе обязанности, какъ устроеніе людей по духу Христову, или воспитаніе дѣтей, съ первыхъ дней бытія своего ввѣрляемыхъ матерней любви и Богомъ, и церковь и природою. Возростая долгое время на рукахъ матери, научаясь отъ нея понимать и различать вещи, они наследуютъ отъ нея не только тѣлесное, но и духовное здоровье, и походы бывають на нее не

только по лицу, но и по душѣ. Мать, питая дитя тѣлесно, сообщаетъ ему вмѣстѣ съ этимъ первыя нравственныя понятія и убѣжденія, составляющія основаніе человѣческаго достоинства, съ лѣтами возрастающаго въ насъ. Церковь и общество съ самыми живыми надеждами и опасеніями смотрятъ на эти духовныя неприкосновенныя питомники, которые готовятъ для нихъ дѣятельныхъ членовъ. Они знаютъ и чувствуютъ, что въ нихъ рѣшается вопросъ о душевномъ здоровьи, счастьи и спасеніи каждаго изъ насъ, о направленіи, чистотѣ и святости цѣлыхъ поколѣній. Руки матери начинаютъ строеніе града Божія и града человѣческаго, и преемники ея, позднѣйшіе дѣятели въ развитіи человѣка, возводятъ только вершины на томъ основаніи, какое положила любовь матери. И вотъ гдѣ самое высокое назначеніе, къ какому призвана женщина, — изъ человѣка, темнаго и непѣдущаго, сдѣлать вѣрующаго христианина, изъ существа природы — сына Божія, великаго по нравственной чистотѣ и святости. Выполняя это назначеніе, она совершаетъ дѣло Божіе, и свискиваетъ себѣ славное имя, котораго не сотреть ни время, ни зависть, и которое будетъ цѣниться на судѣ не только человѣческомъ, но и Божіемъ. На этомъ судѣ, равно какъ и на судѣ совѣсти и потомства, насъ не спросятъ, какъ часто мы выѣзжали, какъ хорошо умѣли одѣться и держать себя въ обществѣ, какъ превосходили однихъ другихъ на поприщѣ забавъ, остроумь и искусственныхъ развлеченій. Все это обыкновенно исчезаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ именемъ, для котораго мы приносимъ суетныя жертвы. Насъ будутъ судить по тѣмъ плодамъ, какіе мы завѣщаемъ будущему времени въ своихъ дѣтяхъ и питомцахъ. И если здѣсь, въ этихъ плодахъ, будетъ горечь и гниль, на нашу голову падутъ мною тѣ блестящія успѣхи, изъ-за которыхъ мы готовы забыть главное, — заботу о единомъ на потребу, нравственномъ благочестивомъ строѣ семейнаго круга нашего.

На наше слово напрашиваются поучительныя сравненія. Въ церкви естественно воспоминаются великіе свѣтильники вѣры и благочестія. Но это воспоминаніе влечетъ за собою другое воспоминаніе. Герои вѣры обыкновенно выросли среди благочестивыхъ семействъ, и въ частности матерямъ обязаны своимъ крѣпкимъ направленіемъ, и вмѣстѣ съ этимъ частію своего величія. Мы вспоминаемъ о св. Григоріѣ Богословѣ, — и намъ представляется свѣтлый ликъ его матери Нонны, отъ рожденія посвятившей Богу своего сына, и воспитавшей въ немъ душу ищущую, задумчивую, строго-благочестивую и полную возвышенныхъ созерцаній, сдѣлавшую его однимъ изъ первыхъ богослововъ православнаго востока. Мы вспоминаемъ о св. Іоаннѣ Златоустѣ, — и душа наша приклоняется предъ именемъ Анѳусы, матери, всѣмъ пожертвовавшей для воспитанія своего сына, никогда не престававшей окружать заботливымъ дыханіемъ благоговѣйной вѣры его юношескую душу и приготовившей въ немъ неподражаемаго подвижника и проповѣдника, ревнителя ко славѣ Божіей, защитника бѣдныхъ, покровителя слезъ и вздоховъ. Мы вспоминаемъ о другихъ лицахъ церкви, близкихъ по духу и времени къ упомянутымъ нами, — и видимъ, какъ молятся съ ними матери, какъ читаютъ и объясняютъ имъ священныя книги, какъ рачительно стараются направить къ добру и Богу ихъ влеченіе и помыслы, — и закаленная съ дѣтства въ благочестіи душа уже смѣло и безбоязненно выступала на побѣдоносную борьбу съ искушеніями. Были святыя семейства, были благочестивыя матери, — и созрѣвали великіе люди, изумившіе міръ своимъ богопросвѣщеннымъ умомъ, вѣрою и благочестивыми подвигами воли, все вмѣнявшей за уметы ради славы Христа и Господа. А теперь...? Еще не смолкли жалобныя вопли на дурное направленіе молодого подросткающаго поколѣнія, на его кощунственныя замашки и старческое безвѣрье, и наши матери, въ припадкѣ

грусти отъ разочарованія при видѣ обездушеннаго сына, не только, какъ и укорять ту среду, которая развратила ихъ дитя, видимой ими въ шелкѣ и бархатѣ и съ малыхъ лѣтъ порученной инокору чужихъ, пожалуй, иноземныхъ и иновѣрныхъ воспитателей. Эта среда — мы сами, и въ нашихъ нареканіяхъ на другихъ на разочарованіе нашихъ дѣтей слышится отголосокъ давней рѣчи нашей праматери, хотѣвшей свалить предъ всевѣдущимъ Судіею вину своего грѣхопаденія на змія соблазителя. *Сынъ блудный всегда безчестіе матери.* Когда дурны наши дѣти, то значить, мы не исполнили въ отношеніи къ нимъ тѣхъ обязанностей, какія возложены на насъ родительскою побойю, не утвердили въ нихъ сѣмянъ добра, или по своей небрежности утратили надъ ними вліяніе и подчинили ихъ вліяніямъ вреднымъ. Съ иной стороны всегда здѣсь есть грѣхъ опущенія, если нѣтъ прямого положительнаго вреднаго вліянія. Часто слышится укореніе на школу за развращеніе дѣтей нашихъ. Но школа если виновата въ этомъ, то виновата только въ послѣдствіи. Она припимаетъ къ себѣ дѣтей уже съ задатками добра или зла, и болѣе или менѣе намѣченными чертами характера. Своею задачею она имѣетъ развить то, что положено природою и семействомъ, и достигаетъ своей цѣли только тогда, когда пользуется взаимодействіемъ семейства. И во время пребыванія въ школѣ, дитя не порываетъ связи съ семействомъ; съ нимъ живетъ надзоръ родителей и мысль о родителяхъ и ихъ волѣ,—и бдительные родители могутъ ли допустить, чтобы ихъ дитя, въ школѣ или гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, безпрепятственно заражалось разными опасными болѣзнями? Когда мы смотримъ въ кругу учащагося множества на разнообразіе характеровъ и направленій,—намъ готчасъ представляются черты того семейнаго быта, изъ котораго они вышли. И если кому Богъ судилъ возрости въ семействѣ, въ которомъ глубоко укоренены святые начала вѣры

*

и благочестія, того не поколеблютъ ни соблазнительныя книги, ни дурное товарищество, ни случайныя ошибки неприваныхъ учителей. Но часто совершенно нагимъ по душѣ выпускается изъ семейства на свѣтъ Божій сынъ природы. Чтожъ удивительнаго, если онъ возвращается домой въ лохмотьяхъ, въ грязи и безобразіи? И кого винить здѣсь? Тѣхъ ли, которые дали ему эти грязныя лохмотья, или тѣхъ, которые не позаботились одѣчь его одеждою чистоты и невинности, хотя и обязаны къ тому были?

Но для одного служенія вѣры могутъ быть образцомъ для насъ евангельскія жены. Изъ ихъ примѣра современная женщина можетъ видѣть и понимать свое, такъ сказать, гражданское назначеніе и полномочіе.

Евангельскія жены не заявляютъ себя общественною дѣятельностію, и не показываютъ стремленія войти въ круговоротъ гражданского дѣла. Онѣ живутъ всецѣло въ тишинѣ домашняго круга, и на улицахъ городовъ или въ сношеніяхъ съ общественными дѣятелями ихъ замѣчаютъ тогда, когда ихъ волнуетъ чувство состраданія или уваженія къ великимъ дѣятелямъ, или когда онѣ ищутъ отъ нихъ себѣ назиданія. Жена Цалата дома, путемъ семейной бесѣды, высказываетъ свои желанія касательно Спасителя этому нерѣшительному судіи, и въ ея голосѣ не слышится притязанія на общественную власть. Иерусалимскія женщины издали смотрѣли и плавали, когда шель на казнь Господь нашъ, не думая пріобщать себя къ той толпѣ, которая рѣшала событія дня и города. Такая сдержанность спасла ихъ отъ участія въ тягчайшемъ преступленіи, и она снискала имъ доброе имя. Мы не перечисляемъ другихъ примѣровъ поведенія евангельскихъ женъ. Вы уже видите, куда устремлено ихъ усердіе, и гдѣ поприще ихъ заботъ и трудовъ.

Изъ двухъ отраслей слагается наша жизнь: одна требуетъ сильныхъ мускуловъ, крѣпкихъ рукъ, твердаго харак-

тера, рабочей, строгой и тяжелой мысли, другая — мягкого оживляющего чувства, теплою любви и внутреннего самоуглубления. Одна отрасль обнимается семействомъ, другая гражданскимъ обществомъ. Природа какъ-бы нарочно дала намъ, мужчинамъ и женщинамъ, нѣкоторыя разности душевныхъ настроений и способностей; этимъ различіемъ Творецъ указалъ намъ на тѣ особенныя обязанности, къ исполненію которыхъ призываются каждый полъ, и на тотъ кругъ, гдѣ каждый изъ нихъ долженъ отличиться. Какъ странно видѣть женщину въ мужской одеждѣ, такъ странно призывать ее къ такимъ общественнымъ трудамъ, для которыхъ требуется напряженный трудъ воли, головы или мускуловъ. Женщина была бы здѣсь подѣ несвойственнымъ ей бременемъ и, убивъ свои силы, не принесла бы пользы. Напротивъ семья липилась бы всей своей благодати, всей оживляющей своей силой, если бы извлекли изъ нея женщину для трудовъ на стогахъ града: съ семьей тогда сдѣлалось бы то же самое, что постигаетъ рой пчелъ, когда берутъ изъ него его царицу. Мужчина, всегда относительно болѣе жестокій и самою природою призываемый къ внѣшней дѣятельности, запустилъ бы и довелъ бы до одичанія нѣжные ростки семейнаго благополучія. Не даромъ у дѣтей, не соприкоснувшись материнскимъ дыханіемъ, на душѣ есть отпечатокъ нѣкоторой суровости и холодности.

Миндовать чужой долѣ нѣтъ причинъ ни тому, ни другому полу. И семейная жизнь столько же значительна, столько же важна и славнаго героизма, какъ и общественная, предоставленная въ удѣлъ мужчинамъ. Семействомъ держится общество; въ немъ первое гнѣздо, въ которомъ вырастаютъ и люди, и характеры и учрежденія. Если исчезнетъ сосредоточивающая теплота женской души изъ этого гнѣзда, разлетится и погибнутъ питающіеся въ немъ птицы, и изъ нихъ съ трудомъ можетъ собраться общество. Но женщина не оставитъ этого

гибда, по требованію самой природы, какъ бы ни старались спугнуть ее оттуда жалкіе поборники печальныхъ измышлений. Она можетъ являться на стогнахъ града, когда слышитъ плачь и видитъ слезы: осушить эти слезы никто не можетъ лучше сердобольной и чувствующей женщины. Но это всегда дѣлала и будетъ дѣлать женщина по движенію своего сердца, не ставаясь съ семействомъ, и не налагая руки на пружины общественнаго гражданскаго строя. Не держайте звать женщину изъ ея семейнаго святилища туда, гдѣ борются люди, страсти и мнѣнія, а преклоняйтесь лучше предъ высокимъ подвигомъ ея самоотверженія. Что это за подвигъ,—долженъ чувствовать всякій, кто помнитъ свою мать, кто не забылъ ея ласкъ и заботъ, ея безсонныхъ ночей и тревожныхъ бѣній сердца, какими она погупала наше спокойствіе и благополучіе. Двадцать тысячъ мужчинъ, по слову одного мудреца, не въ состояніи вынести тѣхъ трудовъ, какіе не величаясь покорностію любви выносить въ семействѣ одна истинная женщина. Вся жизнь ея, отъ колыбели до гроба, по указанію святаго закона, нескончаемая жертва, носящая награду въ самой себѣ, или въ той любви, какава ее вызываетъ. Въ качествѣ дочери, сестры, супруги и наконецъ матери она постоянно служитъ тому малому кружку близкихъ, который оживляется ея любовью: преданность любви даетъ ей силу побѣждать сонъ и усталость и съ бодрымъ терпѣніемъ нести ежедневную заботу семейнаго благоустроенія, чтобы только усладить жизнь тѣхъ, къ кому она безпрекословно привязана. И если сосчитать всѣ дни и часы, пожертвованные ею для другихъ,—вы удивитесь нескончаемой нити ея заботъ, вьющихся одна за другой, удивитесь той силѣ, которая дѣлаетъ ее способною къ совершенію великаго и многосложнаго подвига. Много великихъ и самоотверженныхъ дѣятелей знаетъ гражданская исторія: она вѣнчаетъ ихъ славою и бессмертіемъ. Семейство не пишетъ

отношеній, и герои его неизвѣстны, но это потому, что въ тѣсномъ кругѣ семейства геройскій подвигъ—дѣло частое и обыкновенное. Оно не поражаетъ сторонняго глаза такъ, какъ поражаетъ его подвигъ гражданской доблести; потому что не имѣетъ такого широкаго круга дѣйствія, какъ этотъ, а жертва, приносимая здѣсь, одна и таже, и героизмъ самоотверженія между женщинами окажется больше, чѣмъ между мужчинами.

Ночь куда должно готовить женщину воспитаніе и обращеніе,—къ высокому подвигу самоотверженія, совершаемому въ семействѣ по любви и преданности и для любви и преданности! Это ли имѣетъ въ виду наше женское воспитаніе,—пусть объ этомъ судятъ тѣ, которые къ тому приставлены. Прежде у многихъ замѣчалось стремленіе готовить женщину болѣе для свѣта, чѣмъ для семейства. И, конечно, воспитанная для свѣта женщина оказывается въ семействѣ какъ будто не на своемъ мѣстѣ. Но по ней становится высокимъ подвигъ самоотверженія, къ которому она призвана своимъ положеніемъ въ обществѣ и самымъ стремленіемъ своей природы. И ночь предъ всю жизнь, ничѣмъ не наполненная, а за нею тоска, а потомъ исканіе развлеченій и дѣятельности для развлеченія. Для такихъ-то женщинъ, потерявшихъ исконныя стремленія своего пола, становится нужнымъ выдумывать новые роды занятій и перемѣнять порядокъ вещей. Святое имя жены и матери,—это главное украшеніе женщины,—перестаетъ быть для нихъ тѣмъ, что бы онѣ съ полнымъ сознаніемъ могли усвоить себѣ: ихъ занимаютъ другія титула, не имѣющія прямаго отношенія къ существеннымъ обязанностямъ ихъ званія.

В. Пивницкій.

